

Рос. Вестн. - 1994 - 20 авг. - с. 3.

Михаил ВОЛОХОВ: Художник всегда против тоталитаризма

- Давайте начнем с вечной темы «Художник и власть». Общественная оттепель 60-х годов обернулась удивительным интересом к искусству, в частности поэзии. 70-е годы - период, когда свое слово в политике сказали литераторы-диссиденты, запрещенные авторы, среди которых были и вы. Перестройка 80-х началась для читающей публики с исторической и экономической публицистики. Сейчас создается впечатление, что искусство, если это не откровенная конъюнктура, отошло от политики, ограничиваясь в лучшем случае социальностью. Каковы сегодня взаимоотношения художника с политикой?

- Художник всегда политик. Но его политика - создавать хорошее искусство. Начиная же работать на определенную политическую идею, он становится ее заложником, волей-неволей коррумпируется. Художник обязан быть вне партий и вне подозрений. И решать все проблемы сердцем, добром. Политика вытягивает неимоверное количество энергии. Это материальная борьба, в которой всегда присутствует аморальность. Она настолько избивает душу, что художник становится бессильным нести миру свет и добро.

- Тем не менее мы видим достаточно примеров и конформизма, и попыток игры в политику - то ли с властью, то ли против нее.

- Принципиально художник должен выступать только против тоталитаризма, и когда страна совершает рывок к демократии и свободе, он не должен допустить обратного хода. В этом его политика. Если же начинаются игры с партиями, да еще в зависимости от того, какая из них сколько заплатит, художник перестает быть художником. Серое, утилитарно-политическое искусство - уже не искусство.

- Вы себя называете русским драматургом, русским художником... Что это означает?

- Это не абстрактное понятие и не паспортное. Русский художник стремится через русскую судьбу понять весь мир и помочь миру.

- Но захочет ли мир понимать себя через русскую судьбу?

- В конечном счете, везде ставят Чехова и Шекспира, читают Достоевского и Гете. Вряд ли кто-то из них думал о своей универсальности, они приходили к ней спонтанно. По-

могая миру, ты помогаешь и России. В дневниках Чехова можно найти ссылки на древних философов. У Достоевского всегда с собой были сочинения Канта. Они читали западных философов и как бы спорили с ними. Западная философия более абстрактна, чем русская, но она же растворена в земных и небесных образах Чехова, Достоевского, Толстого. Вершина западной философии - Ницше, превративший ее в поэзию. Бешеная глубина, головокружения от которой он не выдержал. «Горе от ума» - парадокс всего мира.

- Запад, однако, не знает русской философской мысли XVIII, XIX веков, считает, что она просто отсутствовала.

- Философия в России выражалась через литературу. Русский человек - правдолюбец, а в литературе дойти до глубинной правды очень непросто. Еще сложнее - через литературу дойти до правды в философском ее понимании. Это уже библейское искусство. Библия - философия, а философия - объяснение жизни. Библия и есть объяснение жизни. Как и русская литература. Немецкая философия - это верхний, элитарный пласт познания человека и жизни, горизонталь, тогда как русская философия - вертикаль: она идет от бытия простого человека и возносится до «небес». Что может быть сложнее такой «библейской вертикали»? Ей верят все, а не только элита. Общепринято, что философия идет от общего к частному. Русская же мысль шла от частного к общему. Не случайно Россия - страна мифов, народных легенд, сказок.

- Что такое для вас национальность?

- Язык, способ и форма мышления. Содержание - вся земля. Исход евреев, людей других национальностей - это драма. Но не надо лить безнадёжных слез. Кто-то находит свою судьбу, кто-то едет ради познания мира. Есть разные эмиграции - экономическая, духовная. Человек уезжает, приобретает опыт, начинает понимать, что такое эмигрантская судьба. Для

«Только верую» - из Льва Шестова, русского философа-экзистенциалиста, оказавшего наибольшее влияние на мировоззрение и творчество Михаила Волохова, 38-летнего русского драматурга, с 1987 года проживающего во Франции. Его пьеса «Игра в жмурики» поставлена во Франции Бернаром Собелем, а в Москве - молодым режиссером Юрием Житинкиным на малой сцене Театра им. Моссовета. Критика обратила внимание на эти два спектакля. Если российская была противоречива (некоторые усмотрели в пьесе лишь эпатаж, связанный с использованием «ненормативной лексики»), то западная оказалась более единой, представив «Игру в жмурики», как довольно яркий пример новой, философской драматургии. Успех французской версии пьесы сделал международное имя ее автору, получившему и высокое благословение недавно скончавшегося Эжена Ионеско.

многих она становится сумасшедшим домом. И тогда надо быть сильным психиатром для самого себя. Если человек не в силах стать лечащим врачом самому себе, ему никто не поможет.

- А какова ваша эмигрантская судьба?

- Я полюбил француженку из католической семьи. Встретил ее в московском метро случайно - и вдруг засветило солнце. Я ошалел и влюбился, не зная, что она француженка.

Приехав в 1987 году во Францию, мы первые шесть месяцев жили на берегу Атлантического океана, в Бордо, где я написал «Игру в жмурики». Думал об этой пьесе 6 лет в России, а приехал сюда - и написал. Мои пьесы - вот мой лечащий врач-психиатр, и поэтому, может, они нужны и другим.

- Говорят, что искусство идет или от сердца, или от ума...

- ...Все русское искусство создано сердцем.

- Но гениальный Достоевский писал умом. Философия, даже если она выражена через литературу, это все-таки игра разума.

- Трудно провести грань между «игрой разума» и «только верую» в творчестве писателя такого космического уровня, как Достоевский. Иногда мне кажется, что он боялся опуститься еще глубже и писать на одной «вере». Это могло его просто убить.

Что же касается драматургии... Пьеса - это игра. Написать игру - не что иное, чем, скажем, роман. Эта игра должна быть прежде всего сыграна, переиграна в тебе самом, проиграна через человечество, через всю культуру... В этом смысле драматургия - трудный жанр даже чисто физически. Сложно написать пьесу, которая помогала бы всем - французам, русским; немцам...

- В русской драматургии у вас есть предпочтения?

- В России высший уровень - Чехов, потом Гоголь, Островский, Булгаков, Вампилов... Чехов - это свет, человек, который делал драматургию как бы при помощи одного солнечного света, но там и все цвета радуги.

- Вы не упомянули Горького...

- Если Чехов писал ради поэзии, ради света, то Горький - ради чего-то конкретного, ради того, чтобы, скажем, построить дом. Но чтобы жить в нем, для меня важен Чехов. Он зажигает свет в окнах этого дома.

- А каково ваше отношение к тому, что называется советской драматургией?

- Сложный вопрос. На Западе процесс развития мировой драматургии шел параллельно с развитием философии. Но тем не менее настоящих драматургов можно пересчитать по пальцам - Ионеско, Беккет, Теннесси Уильямс... Вот, пожалуй, три великих драматурга, писавших на уровне Шекспира, Чехова, Библии. Так что дефицит настоящей драматургии и настоящих драматургов - изъяз общепланетарной.

А в России к тому же уничтожали философов и философию. Вампилов шел к тому, чтобы стать большим драматургом, но помешала его преждевременная смерть. «Утиная охота» - лучшая пьеса советского периода. Остальные авторы, увы, страдали инфантильной моралью, которая в то время являлась чаще всего «нормой». Советскому драматургу, чтобы заявить о себе, надо было написать серую пьесу под последние цитаты партийного пленума.

- И обязательно с междустроичем...

- Это уже самоцензура. А самоцензура - смерть для любого искусства. Я не хотел бы огульно обвинять всех. Каждый сыграл какую-то роль, может, даже помог людям. Не надо, однако, забывать, что серое искусство развращает, и под его воздействием людей легче сбить в толпу, любую толпу - коммунистическую, фашистскую, националистическую...

- Вы прошли через московский андеграунд, сейчас вас печатают, ставят не только на Западе, но и в России. Осталась ли у вас обида на прошлое? Вообще, как нам теперь с ним рассчитываться?

- Все мы виноваты, и жить надо с этим чувством вины. Искать грех в самом себе, а не

в каких-то мнимых врагах или козлах отпущения, которых стоит только уничтожить - и все образуется.

Нет, образуется только тогда, когда мы начнем жить по Христу. В России всегда было так - с голоду никому умереть не дадут. Люди, которые зарабатывают миллионы, должны спускаться до слабого человека. Сильный должен помогать слабому - самая простая и самая человеческая истина. Пока ты жив, помогай людям. Деньгами, работой. Капитализм - это не повальный бизнес, а возможность для человека иметь профессию и зарабатывать себе на жизнь. Бизнес - дело рискованное, сопряженное с каким-то дьяволизмом. Но этот дьяволизм должен окупаться тем, что человек, заработавший на нем, помогает слабому.

- Сейчас все легко берут на себя грех, а потом так же легко идут очищаться в церковь. Вас не шокирует такая мода на религию?

- Церковь, безусловно, нужна, хотя бы потому, что неизвестно, кому и когда понадобится туда прийти. Человеку всегда нужны сказки, на каком-то этапе - Гоголь, на каком-то - Чехов, на каком-то - Достоевский, Толстой, Солженицын, а на каком-то - Библия.

Что такое Библия? Это уровень трагедии человеческой жизни на тот момент, когда она писалась. Библию не надо переписывать, а стараться написать современную Библию. Художник всегда должен стремиться осознать свое время на библейском уровне проникновения в правду жизни - как, скажем, Солженицын в прозе или Бродский в поэзии. В этом смысле самое высокое искусство всегда религиозно.

Но нельзя, конечно, считать, что священник чище какого-нибудь атеиста только потому, что он священник. Сколько было священнослужителей, которым люди исповедывались и которые потом писали доносы на своих прихожан. Церковь должна быть достойна самой себя. Должна помогать людям приходить к простым истинам - есть любовь, семья, дети, их надо воспитывать. В конечном счете все сводится к простым истинам, а не к каким-то фикциям.

Мир вокруг прекрасен. Все должно быть в гармонии - высокие истины и простые.

Беседу вел Виталий ДЫМАРСКИЙ, соб. корр. РИА «Новости» - специально для «РВ».

Париж.